

УДК 340.11:342.5:004

DOI: 10.34670/AR.2025.83.79.001

Использование в правоприменении систем искусственного интеллекта. Классификация систем по их роли в правоприменении

Маковская Полина Николаевна

Стажер адвоката,
Ростовская областная Коллегия адвокатов «Бизнес и право»,
344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Лермонтовская, 94/96;
e-mail: rostov.niks7@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена использованию систем искусственного интеллекта в правоприменении. Отмечается, что для практических целей продуктивным является использование обобщенного понятия FLAI (future law artificial intelligence), что позволяет абстрагироваться от несущественных реализационных особенностей систем. Приводится классификация систем искусственного интеллекта в зависимости от той роли и места, которые они занимают в правоприменении. Описаны четыре типа систем искусственного интеллекта, являющиеся функциональными разновидностями, и рассмотрены целесообразные принципы и практические примеры использования каждого из этих типов систем. Делается вывод, что на таких принципах использования в правоприменении, достигается баланс между гуманистическими, неалгоритмическими основами права и сверхвысокой вычислительной мощностью систем искусственного интеллекта.

Для цитирования в научных исследованиях

Маковская П.Н. Использование в правоприменении систем искусственного интеллекта. Классификация систем по их роли в правоприменении // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 10А. С. 9-20. DOI: 10.34670/AR.2025.83.79.001

Ключевые слова

Правоприменение, искусственный интеллект, цифровизация, классификация систем, принципы использования.

Введение

Изыскания и разработки в области искусственного интеллекта (ИИ) сложились как научная отрасль в 1950-х годах прошлого века. Несмотря на значительное время, прошедшее с момента первых экспериментов с моделями ИИ, терминология в этой области знаний не является устоявшейся до настоящего времени.

Так, в некоторых источниках разделяют искусственный интеллект на сильный и слабый, в других применяют иные противопоставляемые друг другу категории: ограниченный ИИ и разумный ИИ; ИИ с инсталлируемым сознанием и ИИ с самосоздаваемым сознанием; ИИ без самообучения и ИИ с самообучением; ИИ с реакцией и ИИ с глубокой памятью и др.

При этом действующий национальный стандарт ГОСТ Р 71476 - 2024 «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта» прямо указывает, что категории «слабый ИИ» и «сильный ИИ» в основном важны для философов, но не актуальны для исследователей в сфере практического использования систем ИИ.

В указанном ГОСТ Р 71476 - 2024 описаны следующие противопоставляемые друг другу категории: «узконаправленный ИИ» и «универсальный ИИ». Отметим, что в соответствии с ГОСТ Р 71476 – 2024, универсальный искусственный интеллект является гипотетическим концептом с неясной перспективой практической реализации.

Из-за отсутствия общепринятых дефиниций, в исследованиях, посвященных использованию систем ИИ в сфере права, зачастую авторы приходят к противоречивым выводам только из-за терминологических нестыковок. Таким образом, с учетом бурно развивающейся отрасли систем и средств искусственного интеллекта, существует необходимость разработать описание систем ИИ по их содержательному, функциональному значению и проявлению как феномена в сфере права, безотносительно достигнутого уровня развития техники и примененных технологий.

Основная часть

Для практических целей может быть продуктивной предлагаемая концепция обобщенного искусственного интеллекта FLAI (future law artificial intelligence). Термин FLAI подчеркивает, что речь идет об описании как ныне существующих систем, так и тех, которые могут быть доработаны с улучшением их функциональности в кратко- или среднесрочной перспективе.

Введением термина FLAI мы уходим от необходимости уточнения дефиниций «слабый/сильный» искусственный интеллект или «узконаправленный/универсальный» искусственный интеллект и других указанных выше дихотомий, а также от необходимости точного указания на технологию реализации (сверточные нейросети, рекуррентные нейросети, нейросети прямого распространения, фреймовые технологии, семантические графы и т.д.), сосредоточившись на ключевом, содержательном аспекте: обсуждению в исследовании подлежат «компьютерные системы, способные выполнять задачи, которые обычно требуют интеллекта» (в соответствии с п. 5.1 ГОСТ Р 71476 – 2024).

Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ определяет искусственный интеллект как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Таким образом, предлагаемая концепция FLAI-систем позволяет абстрагироваться от несущественных в данном контексте технических особенностей ИИ, посвятив внимание основному вопросу безотносительно реализационных нюансов, а именно: влияние используемого в правоприменении искусственного интеллекта (как существующего, так и перспективного) на общественные процессы, в данном случае – на правовое мышление человека и общества.

Под правовым мышлением мы будем понимать, в соответствии с работой [Шаганян, Овчинникова, 2024], динамический компонент правового сознания, поскольку все интеллектуальные и волевые процессы, которые связаны с осуществлением правовых норм, протекают в структуре правового мышления и правового сознания. При этом правовое мышление способствует внутреннему принятию и осмыслению действующего права. Правовое мышление имеет непосредственную связь со способностью человека оперировать нравственными категориями [Шаганян, Овчинникова, 2024], которые при высоком уровне правовой культуры входят в нравственный тезаурус и «операционную систему» личности как базовые понятия, становясь однопорядковыми с такими категориями, как жизнь, смысл, Вселенная, Бог.

В работе [Баранов, Овчинников, 2000] подчеркивается: «Правовое мышление человека представляет собой процесс активной интеллектуальной деятельности личности, высшую ступень отражения правовой действительности, связанные с выработкой правовых идей, понятий, убеждений и использованием правовых средств для разрешения различных правовых ситуаций в жизни либо формирования той или иной четкой позиции по отношению к принятому юридически значимому решению».

Правовое мышление может пониматься как форма духовной деятельности личности, определяющая ее юридически значимое поведение [Баранов, Овчинников, 2000]. Можно сказать в контексте обсуждаемой концепции, что и профессиональный юрист, и обычный человек осуществляют свои права и исполняют обязанности не как FLAI – системы (или иные системы ИИ), а как разумные существа, осмысливающие множество компонентов, из которых складываются правовые отношения, известные им правовые ценности, нормы, идеи и взгляды [Баранов, Овчинников, 2000].

Под правоприменением мы понимаем особую, носящую государственно - властный характер, форму практической реализации норм права. Институт правоприменения подробно рассмотрен в работе [Кожевников, 2021]. Очевидно, что использование FLAI-систем в правоприменении оказывает существенное влияние на правовое мышление и правовое сознание человека. Правовое мышление по отношению к правовому сознанию является более динамичным, и в этом смысле оно быстрее и активнее откликается на новшества в правоприменительной сфере, к числу которых, безусловно, относится использование FLAI-систем.

При этом многие исследователи справедливо полагают, что «цифровое правоприменение» (термин из работы [Самусевич, 2022]) не должно приводить к механизму и редукционизму в понимании права, когда общество будет пониматься как искусственное создание, а личность, индивид, человек будет рассматриваться как цифровая, математическая единица вне национальной культуры, языка, традиций, философии искусства и правового мышления [Альбов, 2020].

Подчеркнем два обстоятельства. Во-первых, в настоящем исследовании идет речь только о гражданском и арбитражном праве (хотя общие подходы, безусловно, могут быть

распространены на другие отрасли права). Во-вторых, даже когда идет речь об участии в правоприменении юридических лиц, следует понимать, что за их юридически значимыми действиями стоят физические лица (руководители компаний, юристы, адвокаты), что является принципиальным в контексте нашего исследования: воздействие на правовое мышление человека различных типов FLAI-систем.

Более того, даже если с системами FLAI будут взаимодействовать некоторые внешние системы ИИ, уполномоченные и запрограммированные на то физическими или юридическими лицами (то есть, не FLAI-системы), будет происходить опосредованное влияние на правовое мышление именно физических лиц в данном процессе. Подобную двойственную природу акторов в цифровом пространстве отмечали многие исследователи, когда обсуждали правосубъектность гипотетических концептов электронного лица или цифрового лица [Болотаева, 2022; Соменков, 2019; Ястребов, 2018].

Если в «доцифровую» эпоху, начиная с древних времен, правовое мышление человека было отражением его глобальных представлений о справедливости и гуманизме, то в «цифровое» время есть опасность деформации таких мировоззренческих представлений за счет неконтролируемого и неограниченного использования алгоритмических подходов в праве. «Вычеркивание» человека из права с заменой совести и чести судьи программой, вычисляющей наилучшее решение, грозит дегуманизацией права и, соответственно, искажением правового мышления человека в сторону «вычисляемого» поведения в той или иной жизненной ситуации взамен поступков, по совести, и по библейским заповедям [Баранов, Овчинников, 2000; Ильина, 2021]. Особенное значение сохранение зрелого правового мышления важно в эпоху цифровых бифуркаций и искушения таблично-алгоритмическим способом существования, который можно уподобить «цифровому змию».

Правоприменение при этом оказывается наиболее важной площадкой, на которой должны выстраиваться рубежи обороны от неуправляемой экспансии цифровых методов в критичных социогуманитарных областях, поскольку именно в правоприменении происходит (или не происходит) столкновение мировоззренческих ожиданий человека, его базовых представлений о добре и зле, с фактической действительностью [Комаровская, 2024].

Итак, для обеспечения возможности во всех дальнейших исследованиях незатуманенного «технологократизмом» философского осмысления содержательного значения процессов использования ИИ в правоприменении и процессов их взаимовлияния на правовое мышление и правовое познание человека (безотносительно редуccionистского прочтения особенностей изготовленных средств ИИ), предлагается следующая классификация систем ИИ, то есть, типизация FLAI –систем.

Представляется продуктивным для целей анализа разделить все FLAI –системы на различные функционально-ориентированные типы и, соответственно, провести классификацию FLAI-систем в соответствии с их ролью и местом в правоприменении. На основании этого классификационного признака (роль и место в правоприменении), все FLAI-системы можно разделить на четыре типа: B-FLAI (от английского bailiff - пристав); S-FLAI (от английского secretary - секретарь); R-FLAI (от английского researcher - исследователь); J- FLAI (от английского judge – судья).

Разумеется, английские названия (bailiff, secretary, researcher, judge) в данном случае носят достаточно условный характер и выполняют роль мнемонических маркеров, нежели точного функционально-развернутого описания некоторого типа среди прочих систем FLAI. С философской точки зрения, предлагаемую типизацию следует определить как продуктивную

концептуалистическую, в противовес малоиндуктивным в данном случае эссенциалистской и номиналистической [Субботин, 2021].

Термином B-FLAI обозначены системы, которые призваны выполнять документарно - организационные функции. Они позволяют любому физическому или юридическому лицу создать формализованное заявление, ходатайство, отзыв; получить информацию о времени слушания дела и заказать пропуск в суд для очного участия и т.д. В настоящее время в России трудно назвать примеры полномасштабной реализации систем B-FLAI. На важность создания систем типа B-FLAI (разумеется, без употребления этого термина ввиду его неизвестности на тот момент для авторов), указывается в работах [Солдаткина, 2020; Грипп, 2025; Томаева, 2023].

Характерно, что в работе [Солдаткина, 2020] важность создания B-FLAI-подобных систем подчеркивается следующими предложениями: изменение официальной единицы информации с документа на данные; разграничение понятий цифровизации, компьютеризации и информатизации; разделение понятий электронного и цифрового документа.

В настоящее время с точки зрения федерального законодательства, практически нет разницы между документом, который изначально создается по установленным правилам в электронном виде в некоторой доверенной программной среде, и электронной «проекцией» обычного бумажного документа, полученного путем сканирования [Солдаткина, 2020]. Учитывая, что при подаче заявлений в электронном виде все документы прикрепляются в виде скан-копий, их дальнейшее документарное движение (учет, использование, обработка и хранение) практически ничем не отличается от подобных действий с «классическими» бумажными документами: чаще всего их традиционно распечатывают и прикрепляют в канонические дела [Солдаткина, 2020]. Внутри судебной системы ситуация аналогична: модуль «Электронное правосудие» подсистемы Интернет-портал ГАС «Правосудие» не имеет функции прямой передачи данных в систему внутреннего делопроизводства суда.

В определенной мере, к системам типа B-FLAI можно отнести функционирующие в данный момент в России системы автоматизации судебной работы, такие как сервисы технологических решений в юридических вопросах «Картотека арбитражных дел» и «Мой арбитр», ГАС «Правосудие», а также системы для управления юридической практикой и процессами «Управляй делами» и систему «Caselook» (для мониторинга судебных дел и проверки контрагентов).

Эти автоматизированные системы существенно улучшили доступ граждан к правосудию, так как введенная возможность онлайн-слушаний дает возможность сторонам дела из дальних регионов полноценно участвовать в судебном заседании, без потери качества такого участия и эффективности самого процесса правоприменения.

Важно отметить в контексте нашего исследования, что широкое инсталлирование систем типа B-FLAI в сферу права следует оценивать как часть механизма реализации права на доступные и законные механизмы правоприменения для лиц с ограниченными возможностями физического и (или) когнитивного характера [Курбатова, 2024]. Можно сказать, что для таких лиц доступность системы типа B-FLAI – это гуманное расположение в непосредственной близости правовой «тревожной кнопки», нажатие на которую запускает внутри государственной машины сложный механизм правоприменения в их интересах.

Термином S-FLAI в предложенной классификации обозначены системы, которые выполняют роль секретарей суда (судебного заседания), а также роль юристов-консультантов или советников по преюдициальным вопросам или прецедентным делам. Они могут оказывать консультации по всему спектру правовых вопросов, в том числе, по конкретному делу, а также

с учетом его обстоятельств выполнять работу по предиктивной аналитике с целью оптимизации решений, принимаемых участником процесса.

В качестве показательного примера системы типа S-FLAI можно привести программу Мельбурнской юридической фирмы «Doogue O'Brien George». Она еще в 2016 г. запустила сервис онлайн-консультаций с роботом-юристом, который помогает людям готовиться к выступлению в суде и защите своих интересов [Cui, 2020].

К системам S-FLAI можно отнести функционирующие в настоящий момент в России программы «Caselook» (для поиска и анализа судебной практики), а также системы конструкторов договоров и обработки текстов и документов (например, «Doczilla») и многие другие.

Функциями систем S-FLAI наделены ныне доступные для любого человека российские и зарубежные сервисы, такие как «YandexGPT», «Kandinsky», «GigaChat», «НейроТекстер», «Perplexity AI», «Academic AI», «ChatGPT5 Thinking» и многие другие. Они подскажут, какую норму права необходимо изучить по отношению к конкретной жизненной ситуации и предложат возможные варианты решения того или иного юридического вопроса. Кроме того, они способны выполнить прогноз решения по делу и помогут верно составить необходимые документы.

Для обсуждения работы S-FLAI в качестве секретарей суда, следует учесть показательный опыт КНР по внедрению в Шанхае среды «Система 206» [Cui, 2020]. Эта система, в числе прочего, производит напоминание об уплате сборов на этапе подачи судебных документов, проводит досудебный анализ претензий, выявляет факты и причины спора, анализирует материалы дела, проверяет полноту и достоверность доказательств, готовит план проведения заседания, устанавливает позиции сторон, ведет безбумажный протокол судебного заседания, а на этапе вынесения судебного решения готовит предварительное решение (то есть, частично выполняет функции следующей по уровню, R-FLAI системы).

Разработанные и внедренные в китайскую судебную систему технологии распознавания речи и обработки изображений помогают судьям-людям сверять протоколы судебных заседаний и оперативнее анализировать доказательства по делу. Об эффективности китайских систем типа S-FLAI можно судить по тому факту, что в Шанхае для выполнения трудоемких, повторяющихся и коммуникативных задач секретари судебных заседаний были в своем большинстве заменены на системы типа S-FLAI [Cui, 2020].

Касаясь вопросов предиктивного правосудия, нельзя не упомянуть известную американскую систему ИИ «Compas» (Correctional Defender Management Profiling for Alternative Sanctions), которая также относится к системам типа S-FLAI в нашей классификации.

Термином R-FLAI в предлагаемой классификации обозначены системы, выполняющие разбирательство по конкретным делам и предлагающие соответствующие рекомендации судье – человеку, который будет выносить окончательное решение. В качестве примера систем R-FLAI необходимо отметить шанхайскую систему C2J (Court2Judge), помогающая судьям найти нужную судебную практику, схожие судебные дела, необходимые для конкретного дела правовые нормы и даже сведения об истце, сделав поиск прецедентных дел простым, а решение более взвешенным, сводя к минимуму судебскую ошибку или неисследованность судебных доказательств [Wang, 2020].

Кроме того, эта система помогает судьям извлекать, интерпретировать и оперативно анализировать факты из представленных сторонами спора доказательств, в том числе подсказывая и практику по отмененным (в связи с их незаконностью или недостаточностью

исследования фактов) схожим категориям дел, что существенно упрощает и ускоряет работу судебной системы в целом [Wang, 2020].

В России системы типа R-FLAI целесообразно было бы ввести для рассмотрения споров, в которых цифровые данные имеют высокий характер достоверности. Это дела о ДТП без тяжелых последствий, дела по спорам о распространении информации в сети Интернет, споры по кредитным картам и другие [Никиташина, 2021].

Термином J-FLAI обозначены гипотетические системы, единолично выполняющие роль судьи (по наиболее простым делам, например, приказным делам гражданского или арбитражного права) без участия человека. В качестве положительного примера эксплуатации системы J-FLAI можно отметить, что в Амурской области несколько лет тому назад была внедрена технология машинного зрения и автоматизации судо- и делопроизводства (конструктор судебных приказов «Магис»), позволяющая обрабатывать поданные в электронном виде заявления о выдаче судебных приказов и приложенные к ним документы и генерировать проекты судебных приказов [Даниелян, 2023]. При этом взыскатели (налоговые органы, кредитные организации, управляющие компании и др.) получают доступ к программному продукту «Магис» на основании заключенного соглашения об организации электронного взаимодействия, а корректность всей информации в итоге проверяет мировой судья.

Использование общей для взыскателя и суда платформы, без сомнения, существенно ускоряет процесс выдачи судебного приказа и сокращает число ошибок, обусловленных человеческим фактором. Как отмечается в работе [Даниелян, 2023], применяемый в Амурской области программный комплекс не ограничивает категории требований или взыскателей, но, по сути, без проверки корректности сведений и расчетов просто формирует судебный приказ, словно презюмируя верность заявленного требования.

После того, как мы определились с элементами нашей концептуалистической [Субботин, 2001] классификации, следует отметить следующее. Для минимизации рисков выхолащивания морально-этических императивов из сферы права и, вместе с тем, использования на благо общества гигантских вычислительных способностей нынешних компьютерных систем, предлагаются следующие принципы использования в правоприменении FLAI-систем различных типов.

Системы типа B-FLAI могут использоваться во всех судах без каких-либо ограничений. При этом программный интерфейс этих систем должен быть воплощением мудрого и человеческого закона, потому он должен в интерактивном режиме «мягко» реагировать на ошибки пользователя, подсказывать контекстные действия (например, в виде всплывающих терминов) и быть «терпеливым» по отношению к неквалифицированным посетителям. Программное поведение систем типа B-FLAI должно быть полной противоположностью поведению надменного и неприступного швейцара из известного стихотворения Николая Некрасова «Размышления у парадного подъезда», не пропустившего к чиновнику робких просителей-пилигримов.

Системы типа S-FLAI должны быть воплощением рассудительного главы большого семейства, который в поисках справедливого решения спора вынужден выслушивать обиды и претензии своих родственников друг к другу. Системы типа S-FLAI могут в соответствующих случаях выполнять функции медиатора, предлагая сторонам спора проект мирового соглашения. Роль систем типа S-FLAI в роли медиаторов представляется вполне естественной, поскольку эффективное владение предиктивной аналитикой, с одной стороны, и детальное

знание обстоятельств дела в трактовке каждого участника спора, с другой стороны, делают возможным создание такого проекта аргументированного судебного решения, которое устроит каждого участника.

Важно подчеркнуть, что функция примиряющего лица, которой обладает в правоприменении система типа S-FLAI, только усиливает веру в справедливость и беспристрастность закона у сторон спора, так как появляется принципиальная возможность узнать, как спорная ситуация смотрится сверху, извне, глазами объективного юриста, в роли которого органично смотрится система типа S-FLAI. В отличие от «доцифровых» времен, нет нужды выведывать инсайдерскую информацию, пытаться разузнать правовую позицию и «козыри» противоположной стороны. В данной ситуации существование в правоприменительной плоскости систем S-FLAI только убеждает человека (в том числе, представителя юридического лица) в мудрости закона, подтверждая заложенные в его правовое сознание принципы справедливости и гуманизма.

Нужно добавить, что обсуждение и заключение мирового соглашения с участием системы типа S-FLAI, выполняющей в данном случае по отношению к сторонам спора роль внешнего приглашенного юриста, может происходить вообще без участия человека, путем Интернет-сессий между системой S-FLAI и юридическими ИИ - системами всех участников в цифровой метавселенной [Ширинских, 2025; Фатхи, 2022; Ковалева, 2022].

В том случае, если при посредничестве системы S-FLAI стороны спора не пришли к мировому соглашению, они переходят в стадию судебных слушаний, то есть к взаимодействию с системой типа R-FLAI.

Нужно подчеркнуть, что все FLAI – системы, являясь обработчиками с рекордной производительностью формализованных данных, достаточно трудно воспринимают и обрабатывают плохоформализуемую информацию, такую как эмоции, чувства, настроение, содержащиеся во взволнованной речи участников судебных споров и даже в их текстовых записях [Zehlke, 2025], [Cheng, 2021].

Особо стоит подчеркнуть, что на этой стадии участие систем типа R-FLAI допускается только в случае согласия на такой порядок рассмотрения каждой из сторон. У любого участника спора сохраняется право на классический «нецифровой» порядок рассмотрения, с участием судьи – человека.

О существовании канонического «нецифрового» порядка рассмотрения спора, то есть без участия системы R-FLAI, каждого из участников спора (даже если это уполномоченные юридическими или физическими лицами ИИ-системы) информируют системы B-FLAI и S-FLAI. Для максимально корректного доведения такой информации и ее «встраивания» в привычную картину Мироздания человека, без деформирования его правового мышления, они обращают внимание представителей сторон на то обстоятельство, что все системы R-FLAI безусловно и беспристрастно отрабатывают формализованную информацию, содержащуюся в законах и фактических обстоятельствах конкретного дела. При этом в силу особенностей технической реализации, системы типа R-FLAI могут недостаточно корректно воспринимать и учитывать чувственно-эмоциональные нюансы, если они не представлены (не будут представлены) в виде формальных величин [Zehlke, 2025; Cheng, 2021].

При правильной подаче и трактовке, этот фактор не должен вызывать aberrаций в правовом мышлении человека и индуцировать у него мысли о черствости Закона и Мироздания. Наоборот, в данном случае системы типа B-FLAI и S-FLAI, сообщая о такой особенности системы R-FLAI, проявляют предупредительность и внимание по отношению как к человеку,

так и к неидеальной системе R-FLAI, воплощая таким образом высшую справедливость и заботу обо всем сущем: как живом (человек), так и рукотворном (несовершенный компьютер R-FLAI).

Системы типа J-FLAI, как это представляется сейчас, еще какое-то время будут проходить тестирование в режиме правовой «песочницы», хотя уже имеются вполне обнадеживающие примеры их практического применения (см. выше).

Заключение

Предложенная классификация FLAI – систем позволяет существенно снизить накал споров по поводу правосубъектности ИИ, поскольку три из четырех FLAI – систем (а именно, системы типа B-FLAI, S-FLAI и R-FLAI) сущностно являются компьютерными средствами без наделения их гипотетическим сознанием, в связи с чем обсуждение их правосубъектности не имеет смысла.

Рассмотренная концепция FLAI – систем, их классификация и типизация по роли и месту в правоприменении позволяют оптимальным образом в период информационных бифуркаций найти компромисс между охраной прав человека и общества, сохранением гуманистического наполнения права, с одной стороны, и максимальным использованием технологических возможностей ИИ, с другой стороны. Разделение всех FLAI – систем на четыре типа (B-FLAI; S-FLAI; R-FLAI и J- FLAI) и их использование в соответствии с вводимыми правилами и ограничениями позволят свести к минимуму риск «вычеркивания» человечности из юридической сферы и, вместе с тем, обеспечит использование на благо страны рекордной производительности и алгоритмической мощности FLAI – систем.

Библиография

1. Альбов А.П. Цифровые технологии правоприменения: новые модели и риски // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата, 2020, № 2, стр. 25 – 30.
2. Баранов П.П., Овчинников А.И. Место и роль правового мышления в духовном мире людей // Юристы – Правовед, 2000, № 1, стр. 7 – 16.
3. Болотаева О.С. Правосубъектность искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика, 2022, № 4, стр. 15 – 17.
4. ГОСТ Р 71476 – 2024. Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта. (утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 октября 2024 г. № 1550-ст.).
5. Грипп Э.Х. Проблемы цифровизации судопроизводства в судах общей юрисдикции Российской Федерации // Образование и право, 2025, № 6, стр. 303 – 306.
6. Даниелян А.С. Искусственный интеллект в суде: помощник или судья? – в сб. Цифровые технологии и право. Сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции. – Казань, 2023, стр. 92 – 98.
7. Ильина Ю.А. Правовое мышление в структуре правовой идеологии (гносеологический аспект) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 2021, № 9-1, стр. 20 – 23.
8. Ковалева Н.Н. Правовые аспекты цифрового совершенствования метавселенных // Право.by, 2022, № 5, стр. 81 – 84.
9. Кожевников В.В. Правоприменение. Антология научных статей.- М.: Проспект, 2021, 512 с.
10. Комаровская А.С. Правовое мышление как механизм социальной адаптации в условиях информационной нестабильности // Актуальные вопросы антропологии, 2024, № 19, стр. 125 – 135.
11. Курбатова С.М. Цифровизация системы правосудия как часть механизма реализации права на законный суд для лиц с ограниченными возможностями. – в сборнике научных трудов III Международной научно- практической конференции «Цифровые технологии и право». - Казань: Издательство «Познание», 2024, стр. 116 – 120.
12. Никиташина Н.А. Искусственный интеллект в юриспруденции: миф или реальность // Юридическая техника, 2021, № 15, стр. 388-393.
13. Самусевич А.Г. Цифровое правоприменение: теория и практика // Сибирский юридический вестник, 2022, № 4, стр. 22 – 28.

14. Солдаткина Н.Л. Стратегические направления развития в сфере цифровизации права как приоритеты информационно – правовой политики // Гуманитарные и юридические исследования, 2020, № 2, стр. 154 – 160.
15. Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2019, № 2, стр. 75 – 85.
16. Субботин А.Л. Классификация. – М.: Институт философии РАН, 2001, 94 с.
17. Томаева В.К. К проблеме обеспечения доступа к правосудию в условиях цифровизации судопроизводства // Вестник Арбитражного суда Московского округа, 2023, № 3, стр. 74 – 79.
18. Фатхи В.И. Метавселенные: проблемы правового регулирования // Философия права, 2022, № 4, стр. 13 – 18.
19. Федеральный Закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального Закона «О персональных данных» (принят Государственной Думой 14 апреля 2020 года).
20. Шаганиян А.М., Овчинникова О.Д. Соотношение дефиниций «правовая культура», «правовое сознание» и «правовое мышление» (теоретико-правовой аспект) // Алтайский юридический вестник, 2024, № 2, стр. 24 – 28.
21. Ширинских П.И. Развитие индустрии метавселенных сквозь призму права: компаративистский подход // Философия права, 2025, № 3, стр. 13 – 19.
22. Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН, 2018, № 2, стр. 36 – 55.
23. Cheng L. Socially Responsible AI Algorithms: Issues, Purposes, and Challenges // Journal of Artificial Intelligence Research, 2021, № 71, pp. 1137 – 1181.
24. Cui Y. Artificial intelligence and judicial modernization. - Singapore.: Springer, 2020.
25. Wang N. Black Box Justice: Robot Judges and AI-based Judgment Processes in China's Court System // 2020 IEEE International Symposium on Technology and Society (ISTAS). – IEEE, 2020, pp. 58-65.
26. Zehlike M., et al. Beyond incompatibility: Trade-offs between mutually exclusive fairness criteria in machine learning and law // Artificial intelligence, 2025, № 340.

Use of Artificial Intelligence Systems in Law Enforcement. Classification of Systems by Their Role in Law Enforcement

Polina N. Makovskaya

Trainee Attorney,
Rostov Regional Bar Association "Business and Law",
344003, 94/96, Lermontovskaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: rostov.niks7@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the use of artificial intelligence systems in law enforcement. It is noted that for practical purposes, the use of the generalized concept FLAI (future law artificial intelligence) is productive, which allows abstraction from non-essential implementation features of systems. A classification of artificial intelligence systems is presented depending on the role and place they occupy in law enforcement. Four types of artificial intelligence systems that are functional varieties are described, and appropriate principles and practical examples of using each of these system types are considered. It is concluded that on such principles of use in law enforcement, a balance is achieved between the humanistic, non-algorithmic foundations of law and the super-high computational power of artificial intelligence systems.

Makovskaya P.N.

For citation

Makovskaya P.N. (2025) Ispol'zovaniye v pravoprimerenii sistem iskusstvennogo intellekta. Klassifikatsiya sistem po ikh roli v pravoprimerenii [Use of Artificial Intelligence Systems in Law Enforcement. Classification of Systems by Their Role in Law Enforcement]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (10A), pp. 9-20. DOI: 10.34670/AR.2025.83.79.001

Keywords

Law enforcement, artificial intelligence, digitalization, system classification, principles of use.

References

1. Al'bov A.P. Cifrovye tekhnologii pravoprimereniya: novye modeli i riski // *Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata*, 2020, № 2, str. 25 – 30.
2. Baranov P.P., Ovchinnikov A.I. Mesto i rol' pravovogo myshleniya v dukhovnom mire lyudej // *Yurist* – *Pravoved*", 2000, № 1, str. 7 – 16.
3. Bolotaeva O.S. Pravosub"ektnost' iskusstvennogo intellekta // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2022, № 4, pp. 15 – 17.
4. GOST R 71476 – 2024. Iskusstvennyj intellekt. Konceptii i terminologiya iskusstvennogo intellekta (utverzhen i vveden v dejstvie Prikazom Federal'nogo agentstva po tekhnicheskomu regulirovaniyu i metrologii ot 28 oktyabrya 2024 g. № 1550-st.).
5. Gripp E.H.KH. Problemy cifrovizacii sudoproizvodstva v sudakh obshchej yurisdikcii Rossijskoj Federacii // *Obrazovanie i pravo*, 2025, № 6, str. 303 – 306.
6. Danielyan A.S. Iskusstvennyj intellekt v sude: pomoshchnik ili sud'ya? – v sb. *Cifrovye tekhnologii i pravo. Sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. – Kazan', 2023, str. 92 – 98.
7. Il'ina YU.A. Pravovoe myshlenie v strukture pravovoj ideologii (gnoseologicheskij aspekt) // *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2021, № 9-1, str. 20 – 23.
8. Kovaleva N.N. Pravovye aspekty cifrovogo sovershenstvovaniya metavselennykh // *Pravo.by*, 2022, № 5, str. 81 – 84.
9. Kozhevnikov V.V. Pravoprimerenie. Antologiya nauchnykh statej. – M.: Prospekt, 2021, 512 s.
10. Komarovskaya A.S. Pravovoe myshlenie kak mekhanizm social'noj adaptacii v usloviyakh informacionnoj nestabil'nosti // *Aktual'nye voprosy antropologii*, 2024, № 19, str. 125 – 135.
11. Kurbatova S.M. Cifrovizatsiya sistemy pravosudiya kak chast' mekhanizma realizacii prava na zakonnyj sud dlya lic s ograničennymi vozmozhnostyami. – v sbornike nauchnykh trudov III Mezhdunarodnoj nauchno- prakticheskoy konferencii «Cifrovye tekhnologii i pravo». – Kazan': Izdatel'stvo «Poznanie», 2024, str. 116 – 120.
12. Nikitashina N.A. Iskusstvennyj intellekt v yurisprudencii: mif ili real'nost' // *Yuridicheskaya tekhnika*, 2021, № 15, pp. 388-393.
13. Samusevich A.G. Cifrovoe pravoprimerenie: teoriya i praktika // *Sibirskij yuridicheskij vestnik*, 2022, № 4, pp. 22 – 28.
14. Soldatkina N.L. Strategicheskie napravleniya razvitiya v sfere cifrovizacii prava kak priority informacionno – pravovoj politiki // *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, 2020, № 2, str. 154 – 160.
15. Somenkov S.A. Iskusstvennyj intellekt: ot ob"ekta k sub"ektu? // *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYU)*, 2019, № 2, str. 75 – 85.
16. Subbotin A.L. Klassifikatsiya. – M.: Institut filosofii RAN, 2001, 94 s.
17. Tomaeva V.K. K probleme obespecheniya dostupa k pravosudiyu v usloviyakh cifrovizacii sudoproizvodstva // *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga*, 2023, № 3, str. 74 – 79.
18. Fatkhi V.I. Metavselennye: problemy pravovogo regulirovaniya // *Filosofiya prava*, 2022, № 4, str. 13 – 18.
19. Federal'nyj Zakon «O provedenii ehksperimenta po ustanovleniyu special'nogo regulirovaniya v celyakh sozdaniya neobkhodimykh uslovij dlya razrabotki i vnedreniya tekhnologij iskusstvennogo intellekta v sub"ekte Rossijskoj Federacii – gorode federal'nogo znacheniya Moskve, ob osobennostyakh obrabotki personal'nykh dannykh pri formirovanii regional'nykh sostavov dannykh i predostavleniya dostupa k regional'nym sostavam dannykh i vnesenii izmenenij v stat'i 6 i 10 Federal'nogo Zakona «O personal'nykh dannykh» (prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 14 aprelya 2020 goda).
20. Shaganyan A.M., Ovchinnikova O.D. Sootnoshenie definicij «pravovaya kul'tura», «pravovoe soznanie» i «pravovoe myshlenie» (teoretiko-pravovoj aspekt) // *Altajskij yuridicheskij vestnik*, 2024, № 2, str. 24 – 28.
21. Shirinskikh P.I. Razvitie industrii metavselennykh skvoz' prizmu prava: komparativistskij podkhod // *Filosofiya prava*, 2025, № 3, str. 13 – 19.

-
22. Yastrebov O.A. Pravosub"ektnost' ehlektronnogo lica: teoretiko-metodologicheskie podkhody // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN, 2018, № 2, str. 36 – 55.
 23. Cheng L. Socially Responsible AI Algorithms: Issues, Purposes, and Challenges // Journal of Artificial Intelligence Research, 2021, № 71, pp. 1137 – 1181.
 24. Cui Y. Artificial intelligence and judicial modernization. - Singapore.: Springer, 2020.
 25. Wang N. Black Box Justice: Robot Judges and AI-based Judgment Processes in China's Court System // 2020 IEEE International Symposium on Technology and Society (ISTAS). – IEEE, 2020, pp. 58-65.
 26. Zehlike M., et al. Beyond incompatibility: Trade-offs between mutually exclusive fairness criteria in machine learning and law // Artificial intelligence, 2025, № 340.